

Александр Давыдов

Суверен

Сборник статей

Александр Давыдов

Суверен. Сборник статей

«Издательские решения»

Давыдов А. Г.

Суверен. Сборник статей / А. Г. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743306-2

Книга представляет собой сборник статей, написанных в разные года для альманаха «Острог», журнала «Политические институты и процессы», ряда общественно-политических и экспертных сайтов. Темы статей касаются вопросов национальной идентичности, мифологического восприятия истории, стратегии иррегулярных войн, а также этнофедерализма и религиозных вопросов.

ISBN 978-5-44-743306-2

© Давыдов А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Вхождение	6
Идеологический симулякр: бунт кадавра	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Суверен Сборник статей

Александр Геннадьевич Давыдов

© Александр Геннадьевич Давыдов, 2017

ISBN 978-5-4474-3306-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вхождение

Новая фаза развития европейских ошметков того, что раньше принято было называть «постсоветским пространством», задает новую планку смены идентичности. Если двадцать лет назад жизнь обретали порывы сил, застоявшихся в советской канаве, то сегодня приходит время новых полноценных идентичностных проектов, с хорошо выработанными идеологией, символическим и ценностным пространством.

Экспансия новых рамок сознания и мировосприятия, рамок, долженствующих выдерживать напор информационной войны и решимость своих носителей умирать с этими словами и символами в сердце, требует осознания и понимания: в частности, потому, что огромного масштаба социальные процессы являют собой движение множества похожих друг на друга когнитивно индивидуальных психик. Здесь мы попробует сделать некоторые наброски эскиза изменений такого рода.

Сначала мы должны раскрыть контекст рассматриваемых изменений. Он сложен и первично разделяется на социальный, символический и когнитивный сегменты.

Социально осуществляется новый этап отступления от власти структур, преемствующих бывшей КПСС. Эта работающая больше столетия партия обречена уйти, но в силу чрезвычайно мощной организации и субстанциональности ее влияния на развитие народов, населявших Советский Союз, ее сопротивление влиянию новых исторических сил достаточно упорно, особенно в силу того, что эти новые силы только сейчас нарождаются и формируются. Новое поколение политиков, сегодня закаляемое Историей в тюрьмах и на фронтах, только начинает свой путь к возможности осуществления руководящих ими идей.

Далее, непростое экономическое положение славянских стран бывшего СССР рождает глубинное устремление участников исторической трансформации к изменению форм экономической жизни, сегодня подчиненных коррумпированным государственным структурам. Существование в атомизированных сообществах аморфных протогрупп людей с различными ценностными системами, предполагает новые социальные конфликты с неизбежным оформлением в идеологии одних ценностно-идентичностных систем и полного подавления других.

Символическое наполнение нынешней исторической ситуации состоит в тектоническом изменении символических структур миропонимания в славянских странах. Тяжелая глыба советского миропонимания с соответствующими символическими рядами все больше раскалывается и уходит в прошлое, люди, цепляющиеся за безнадежно устаревшую идентичность, формируют все более безумные сочетания и способны применения символов – от флагов в виде колорадского узора до соединения в одном послы кровавого триумфа Советской власти с приторной сладостью памятования о мучениках. С другой стороны, происходит мучительное и медленное формирование новых символических систем, отражающих миропонимание и идеологии новых субъектов истории, а также заполнение пустого пространства между конфликтующими полями разнообразной эклектикой и символическими системами, способными в нашем контексте удовлетворить некое количество личностей атомизированного общества либо небольшие группы по интересам – но не значимые социальные объединения, что лишает эти системы исторической перспективы.

Когнитивный сегмент контекста рассматриваемых изменений выражается в том, что политически-радикальные, военные и сущностно-социальные новые практики требуют быстрой и радикальной адаптации когнитивной структуры личности к изменениям. При этом резкая адаптация нужна не только человеку, внезапно для себя оказавшемуся на войне, но и человеку, попавшему под пресс информационной войны и заинтересованному в сохранении адекватности восприятия и самостоятельности своего мышления. Далее, новый информа-

ционный контекст требует и нового и ясного позиционирования представителей той или иной общности, принадлежности к общности либо явному отторжению от нее.

Постсоветский индивид, вынужденный реагировать на эти изменения, обладает определенным набором достаточно однотипных психических, идентичностных и ценностных свойств. Речь, прежде всего, идет об эклектичности мировоззрения и символического наполнения его жизни. Эта эклектичность проистекает из общего хаоса смыслов и символов, свойственного любому периоду исторической ломки. Этот хаос относительно структурирован вокруг процесса оформления и вывода в формат социальных норм тех психических интенций, которые в прошлую эпоху не допускались к выражению, а теперь развиваются резко и стихийно. Это оформление, с одной стороны, обречено доламывать рамку советской идентичности, но, с другой стороны, вялотекущий конфликт между остатками универсалистичной советской матрицы и частными новыми интенциями и локальными социальными нормами не может быть разрешен полноценно до тех пор, пока не эти интенции не находят себя в новой идентичностной сетке, относительно универсалистичной в применении к мировоззрению современного, образованного и обладающего личным самосознанием индивидуума. Очевидно, что такой сеткой и становится национальное сознание, проистекающее из Мифа и идеологии, на его основании строящейся.

Ценностная составляющая индивидуума такого плана выражена достаточно слабо. Существуют, помимо уходящих в небытие советских норм и представлений, относительно локальные, но очень широкие по совокупному охвату ценностные системы, наподобие дворовой или уголовной, которые действуют и в обычных легальных локальных сообществах, выстраивающихся из тех, кто в детстве и юности принял именно такие этические квазикодексы. Однако в целом представление о ценностях формируется по мере социализации в атомизированном обществе, что не добавляет порядка и адекватности ценностям, формирующимся вне целостной мировоззренческой системы.

К этому стоит добавить и ярко выраженный индивидуализм, личностное самосознание у сегодняшнего поколения взрослых людей. Будучи вынужденными самостоятельно отвечать на множество этических вопросов, каждый индивид формулирует свою личную этическую карту и, понимая ее сложность и неоднозначность, как правило, толерантен к другим картам аналогичного формата, но другого содержания. Иными словами, мы видим накопление своего рода когнитивных и психических предпосылок для выстрела новых мировоззренческих, относительно универсалистичных идентичностных рамок.

Личность такого состава, оказываясь в ситуации этнической мобилизации, не просто адаптируется либо противостоит новым условиям жизни, но стремится актуализировать свои психические интенции в новой мировоззренческой рамке. Этот драматический сам по себе процесс зависит своим протеканием от крена модели мобилизации: архетипической либо инстинктивной. Первый крен эти интенции, рвущиеся к выходу, облакает паутиной рефлексии и задает им сложно управляемое, но выверенное направление осуществления, что своим следствием имеет осуществление важнейших социальных перемен более прочно и меньшей кровью, нежели крен в инстинктивную сторону: этот крен, в свою очередь, дает большую свободу чистой энергии, но часто направляет ее в разрушительное русло. С другой стороны, сетка самосознания у личностей, попавших под действие модели мобилизации, кренящейся в сторону инстинкта, будет более простой и однозначной, что добавляет устойчивости новой матрице национального самосознания.

Далее, сформируем модель реакции индивида на изменение символического пространства его жизни в ситуации национального строительства. Прежде всего отметим, что индивид с вышеуказанными характеристиками тяготеет к восприятию новой универсалистичной мировоззренческой матрицы, но сила тяготения зависит от того, как матрица (выраженная в идеологии, как правило) дает пространство для воплощения его наиболее сильных психиче-

ских интенций. Поэтому смешные результаты имеет камлание некоторых евразийских шаманов на Империю: интенции, с ней связанные, выразились полностью и соответствующие потоки психической энергии истощились. И поэтому все большую силу влияния приобретает «освободительное» мифологическое поле.

При этом модели мышления и поведения, сформированные ранее, продолжают работать, что порождает специфичный формат мобилизации, который мы видим, например, в значительном по масштабам краундфандинге, свойственном обоим сторонам донбасской мятежной войны. Отметим также, что хаотичное пространство универсального сегмента мировоззрения рождает постоянный тяжелый невроз, и хаотичное, распадающееся символическое поле аморфного постсоветского миропонимания становится хорошей базой, удобрением для рождения, развития новой национальной идентичностной матрицы. В свою очередь, ярко выраженное индивидуальное самосознание ищет не растворения, а воплощения, что приводит к крайне сложному составу дискурсивной формации национализма. Эта сложность либо органично сочетается с простой и эффектной системой символов, ценностей и идеологий мобилизуемых национальных конструкторов, либо входит с таким конструктором в конфликт, находящий снова социальное выражение: здесь примером может стать попытка государства РФ мобилизовать общность, номинально разделяющую российскую идентичность и систему ценностей, декларируемых этим государством, когда официально-патриотический конструктор был принят лишь частью общества, но вызвал и яростный протест других его частей.

Результатом, в случае успеха, становится новая и живучая национальная идентичность, которую жители политики принимают по умолчанию, прежде всего потому, что она отвечает запросам и позволяет выражать, воплощать интенции психики подавляющего большинства жителей политики. Формируется поле психических интенций, некомплементарное в попытках чужих идентичностных либо идеологических вторжений. Революционно-военный формат нацибилдинга здесь способствует подавлению новой идентичностью, сформированной часто на линии огня, локальных и региональных идентичностей, некомплементарных новому формату психической и социальной жизни общества.

Какие эмоциональные и душевные изменения несет в себе нациестроительство в таком контексте для индивида?

Прежде всего, через сильное психическое напряжение он преодолевает целый комплекс неврозотворящих явлений его прошлой психической жизни. Индивидуальное психическое существование находит новую и адекватную рамку бытия, и человек может высвобождать некоторые свои психические силы для осуществления позитивных устремлений в окружающем мире (например, засеивать те поля, в которых он же год назад рассыпал тысячи стреляных гильз). Период национального строительства протекать может не один год, в общем, он осуществляется поколениями. Но прошедшие через первый бурный этап люди рожают новый Миф своим душевным усилием. Также они проходят через определенный катарсис, по-новому выстраивающий иерархию ценностей и структуру мировосприятия. В целом изменения можно назвать позитивными, но в процессе их осуществления осуществляет массированное уничтожение не только материальной природы. Такой масштабный и энергозатратный процесс выдерживает не каждая психика, также люди, имеющие стойкое мировоззрение «старого» формата становятся вечной оппозицией либо покидают страну (а могут и не пережить изменения, нарвавшись целенаправленно на пулю). Безусловно, нельзя игнорировать и синдром посткомбатанта: славянский нацибилдинг без крови, как правило, не проходит.

Очевидно, что различные люди, по-разному включаются в жизнь новой политики. Здесь мы можем привести две крайности: человека, по идейным мотивам вступившего в революционные либо официально-военные вооруженные структуры и впоследствии отдающего себя политической работе в националистической партии; и человека, вставшего с оружием в руках против новой идентичности в стремлении защитить старую либо ее остатки (носталь-

гия о СССР не мешала ополченцам «Брянки» жить за счет распиленных и проданных металлоломом советских заводов). Подавляющее большинство политики, безусловно, остается частными людьми занимается своими частными делами, но приоритеты в их осуществлении уже другие. В условиях сложноструктурированных и общества, и экономики подробную классификацию включенности в нацбилдинг и новую национальную идентичность здесь мы делать не будем.

История не проходит по нам. Она делается, и внимание к бабочкам сегодня важно: еще более важно внимание, понимание творящегося с нами в период рождения новой политики и новых рамок сознания. Здесь, даже желая быть в стороне от творящегося, мы не можем избежать строительства своего мира. Возможно, пониманию принципов такого строительства поможет и этот текст.

Идеологический симулякр: бунт кадавра

События прошлого и теперь нынешнего года поднимают очень острые проблемы, которые прямо касаются русского выбора и русских жизней. Люди приносятся в жертву Молоху восстающего советского кадавра, и демиурги консервативной революции тщательно следят, чтобы к мертвецу, уже непохожему на себя, пришивалась только свежая, еще теплая русская плоть: плоть мысли, плоть ветра, плоть выбора. Плоть душевной силы, извергающейся из нового русского тела, падающего от сильнодействующих свинцовых таблеток.

Сотни, а то и тысячи добровольцев были мобилизованы на борьбу за русское дело, за русское государство. Теперь белый рыцарь Стрелков зовет их обратно, а русские государства странным образом привержены советской символике и проявляют нетерпимость к национализму в любом его виде.

Такого рода мобилизация происходит не только здесь. Красиво обернутые идеологемы мобилизуют людей в самых разных областях жизни и ведут этих людей: но к результатам, обратным тем, что проявлены в идеологеме. Будущее незавидно: мобилизовать будут, возможно, на еще более страшные дела, чем раскручивание братоубийственной войны до степени, надежно отбивающей все возможности России к работе в Украине. Потому видится необходимым анализ такого явления, как красиво обернутые идеологемы.

И прежде всего здесь необходимо отметить, что эти интеллектуальные конструкты мобилизуют не социальные группы, взятые как целое (что свойственно идеологии, оформляющей групповую идентичность). Эти конструкты мобилизуют определенные категории представителей референтных социальных групп, и эти категории определяются некоторыми маркерами идентичности, свойственными членам референтных групп. При этом мобилизация производится с достаточно определенной штабом цели, и категории мобилизуемых оформляются достаточно четко. Также интересно, что при мобилизации используются элементы риторики, куски идеологий, и такое использование облегчается неорганичностью и излишней абстрактностью собственно «материнских» идеологий, от которых откалываются куски, требующие снести на свалку истории «бывшую Украину», а по факту заставляющие своих носителей сносить на свалку истории имперские возможности России – те самые, ради осуществления которых распропагандированные бойцы и отдают свои жизни.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью нахождения новых слов, обозначающих это относительно новое дискурсивное явление. Да, мы живем под Луной – но время концептуализации понятия наступает подчас сильно позже рождения означаемого, понятием очерчиваемого.

Видится в этом плане важным и определение конструкта, направленного на мобилизацию носителей определенных маркеров идентичности в целях, которые не соответствуют целям, выставляемым идеологиями, оформляющими идентичность мобилизуемых членов референтных групп. С одной стороны, это достаточно широкие и внешне осмысленные, подчас органические конструкты, оформляющие достижение определенной стратегической цели, что толкает нас к тому, чтобы назвать сии конструкты особого рода идеологиями. С другой же стороны, эти конструкты лишь носят вид идеологии, по факту являясь копиями. Но специфика этих копий такова, что они не копируют ни националистическую идеологию, ни имперскую идеологию, ни даже советскую идеологию. Вместо копирования имеет место быть лишь паразитирование на нарративе, без заимствования полноценных целей и задач, выставляемых идеологиями – и здесь мы обречены принять определение копии без оригинала – а именно, сформулировать дефиницию «идеологический симулякр».

Собственно, здесь мы сближаемся с бессмертным определением Маркса, понимавшего под идеологией форму ложного сознания. Тем не менее, сознание здесь реально существует,

а объективное знание сути общественных отношений возможно лишь в рамках жесточайшего субъективизма, навязываемого групповой идентичностью. Также и манипулируют новым пролетариатом не только и не столько капиталисты, сколько представители профессионально очень разнообразного правящего слоя: и непосредственным вкручиваем ереси в доверчивые головы занимают люди, продавшиеся за пирожки с олениной.

Нам важно также сформулировать основные черты идеологического симулякра, отличающие его от реальной идеологии. Для этого, однако, придется поработать и с понятием идеологии. Помимо отличий, нам необходимо и рассмотреть просто важные черты идеологического симулякра, позволяющие его распознать раньше, чем он сумеет украсть нашу жизнь или нашу душу.

Потому займемся идеологией. Традиционно в наших контекстах она понимается как смысловой конструкт, предназначенный для основы мировоззрения определенной социальной группы, могущей объять как рабочий коллектив, так и целое государство. Такое понимание невозможно деконструировать, но возможно уточнить, и здесь нам хорошо поможет Дж. Шварцмантель с его оригинальным пониманием роли идеологии в современной жизни общества.

Американский политолог анализирует функции идеологии в прошлые исторические эпохи и сегодня, реконструируя процесс изменения западных обществ и, следовательно, формы осуществления их потребности в общенациональном мировоззрении. По мнению Шварцмантеля, идеология неолиберализма после Второй Мировой войны безальтернативно победила в западном обществе, однако остальные универсальные идеологии не исчезли, а продолжили борьбу – уже не за доминирование, а за право на существование в дивном новом мире государства благоденствия.

Со временем в западном обществе установился некоторый паритет идеологий, обеспечивающий функционирование достаточно интересного феномена – идеологического поля, в котором осуществляется артикулирование господствующей неолиберальной идеологии, «проигравших» универсальных идеологий – социализма и консерватизма (фашизм все же запрещен) и новых идеологий, о которых стоит поговорить подробнее.

Новые условия мировоззренческого существования западного общества изменили функции идеологии как инструмента влияния на изменения в обществе. Потому новым идеологиям, по словам Шварцмантеля, свойственен, прежде всего, относительно локальный характер. Этот локальный характер осуществляется в двух формах: либо новая идеология оформляет процесс достижения некоей социально значимой цели, либо он оформляет идентичность некоей социальной группы, вдруг оную идентичность остро ощутившей и стремящейся (ну мы же политологи!) к политической субъектности.

Таким образом, мы можем сформулировать основные функции идеологии сегодня. Идеология должна либо оформлять процесс достижения конкретной и масштабной цели, либо оформлять определенную идентичность, а следовательно (особенно в политическом смысле), формулировать и пакет задач и стратегических целей группы с данной идентичностью. Сей пакет должен постоянно обновляться, вследствие как изменений группы, так и изменений внешнего по отношению к группе социума.

Здесь мы формулируем главное различие идеологии от ее симулякра: идеология прежде всего оформляет самосознание группы, выстраивает древо задач, стоящих перед группой: а затем уже, по мере необходимости, мобилизует группу на достижение целей и выполнение задач. Идеологический симулякр, наоборот, нацелен сразу на мобилизацию – причем он мобилизует не на выполнение задач, объективно стоящих перед группой, а на выполнение задач, стоящих перед условным военкоматом, то есть перед людьми, к референтной группе не имеющими никакого отношения – но способными создать и актуализировать симулякр. Здесь крайне важно отметить, что для такого военкомата жизненно важно, чтобы социаль-

ные группы, из которых он рекрутирует добровольцев, были по возможности расщеплены: чтобы их идентичность была максимально слабо и противоречиво выражена, а идеологическое ее оформление носило максимально аморфный характер. Приближая инструментарий к сегодняшней исторической ситуации, отметим, что здесь речь идет в первую очередь о социальных группах, существование которых в большой степени обусловленной именно особой идеологией, а уже во вторую очередь – особой религией либо цветом кожи.

Стремясь мобилизовать, идеологический симулякр не должен актуализировать самосознание референтных социальных групп: более того, самосознание группы должно быть по возможности крепко анестезировано. Симулякр же в процессе мобилизации опирается на маркеры идентичности, выражаемые в форме определенных идеологием либо иных элементов идентичностного дискурса референтной группы. Такое задействование идеологий порождает особенности дискурса, порождаемого идеологическим симулякром: множество идеологием в симулякре используется вне традиционных для своего пребывания и употребления контекстов, что порождает большое количество ярлыков и агрессивных лозунгов, и разрушает в некоторой степени саму лексику, используемую в дискурсивной формации данного симулякра.

Симулякр, вследствие своего мобилизационного характера, нуждается в широком охвате аудитории, а следовательно, в информационных кампаниях большого масштаба и направленных на различные референтные группы. Эта необходимость порождает два следствия. Во-первых, крайне важным в таком случае является мобилизация лидеров мнений и СМИ большого масштаба. И здесь решающую роль играет способность работников военкомата индоктринировать самих лидеров мнений и необходимых главредов. Во-вторых, необходимость мобилизации одним симулякром представителей большого количества идеологически обусловленных социальных групп требует большого разнообразия риторики, из чего следует высокая степень эклектичности конструкта и лексики, им обусловленной.

Стремление охватить мобилизационным натиском людей из самых разных идеологически обусловленных групп порождает крайнее разнообразие мобилизуемого нарратива. Это разнообразие, впрочем, имеет достаточно четко выделенную природу.

Любая идеология прямо либо опосредованно (условно, зеленая идеология – миф Просвещения) опирается на мифологию, то есть нерациональное повествование о богах, героях и мучениках, сопровождающееся богатым символическим рядом.

При этом могут существовать как родственные идеологии, опирающиеся на один миф, так и родственные мифологии, близкие либо преемствующие друг другу. Например, очевидно, что «мифология Победы» не является одновременно «красным мифом», но очевидно ему наследует. Потому использование в новом идеологическом конструкте материала этих двух мифологий выглядит достаточно органично.

С другой стороны, условно «Белый миф» и «Красный миф» друг другу рядоположны и противоречащи, вследствие чего адаптация «Белого мифа» к матрице советской идентичности порождает уже противоречивые конструкции, тянущие легким безумием, а соединение в квазиидеологическом конструкте «мифа Победы» и «Белого мифа», при определенной внешней схожести нарратива, будет носить ярко выраженный эклектичный характер, как и знамя с памятной диагональной границе полотн: прочность идентичности социальной группы в большой степени зависит от наличия и качества мифологии, служащей основанием данной идентичности.

Перед симулякром стоит относительно противоречивая задача: мобилизовать нужных людей так, чтобы они это сделали добровольно, но в большом количестве и были готовы себя чему-либо подчинить. Из этого следует необходимость мощного репрессивного аспекта мобилизующего дискурса. Такая необходимость порождает снова большое количество агрессивных лозунгов и ярлыков.

Важно понимать большую разницу между мобилизацией идеологически обусловленной группы и мобилизацией некоторых категорий членов этой группы. Идеологическая мобилизация группы требует актуализации ее самосознания. При этом условный военкомат не может рисковать ставкой на актуализацию вышеозначенного самосознания: такая актуализация – дело не очень простое и присущее, в сущности, лишь членам этой группы, носителям ее идентичности. Вспышка самосознания предполагает серьезную саморефлексию интеллигенции этой социальной группы, каковая саморефлексия может привести группу совсем не к той мобилизации, которая нужна работникам идеологического военкомата.

Потому симулякр стремится актуализировать маркеры идентичности, присущие членам этих идеологически обусловленных групп. Здесь речь идет не о группе, а о категории индивидов со схожими элементами идентичности. Потому работники военкомата заинтересованы в том, чтобы идеологически обусловленные группы были лидероцентричны, а их лидеры были либо глупы, либо прямо зависимы от военкомата. Да, его обитатели могут носить майорские погоны.

Симулякр должен не просто задавать планку и русло неизбежной элементарной рефлексии по поводу событий, на участие в которых либо предотвращение которых он мобилизует своих жертв. Он должен, с одной стороны, надежно подымать человека на дело, а с другой стороны, блокировать и редуцировать возможность его рефлексии по поводу событий. Поскольку мы ведем речь преимущественно о социальных группах, чье существование обусловлено идеологически, задача выглядит относительно сложной. Но выполнимой.

Симулякр мобилизует социальные инстинкты, которые по определению сильны у людей, способных соорганизоваться в деятельные группы по идеологическому признаку. В одной из наших статей мы рассматривали возможности политической мобилизации, развернутые по фронту между двумя крайностями, архетипической и инстинктивной.

Условно архетипическая мобилизация в контексте нашего повествования присуща самостоятельной мобилизации социальной группы. Она порождает рефлексию относительно состояния группы и ее основных целей, актуализирует самосознание группы, и приводит к участию группы в определенных исторических событиях.

Иное инстинктивная мобилизация. Она направлена на мобилизацию инстинктов, в данном случае – социальных. Чувство стаи, вербализуемое не столько своими идеологами, сколько творцами симулякра: человек бросается в бой, не думая, потому что есть ситуации, в которых мужчина не должен думать, а должен бить. С точки зрения его мужского самосознания это единственно правильный вариант, а с точки зрения военкомата, в интересах которого строится и мобилизуется симулякр – это лучший вариант, именно потому что человек а – не думает, б – бьет того, кого надо быть сотрудникам военкомата, а не социальной группе, куски идеологии которой симулякр разворачивает.

В фундаментальной работе «Теоретические рассуждения о сущности психического» К. Г. Юнг приходит к возможности определения психики как конфликта между слепым инстинктом и волей. Здесь идет речь о том, что на определенном уровне психического развития функция, которую исполняет инстинкт, подвергается изменению направления своего действия посредством осознанной воли человека. При этом воля преодолевает инстинктивные устремления, не имея возможности их полностью исключить, так как влечения являются основой психической активности человека. Нам же становится очевидным, что проявление воли немислимо без определенного элементарного рассуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.